

АЙС ВЕТАС

ЛАРРИ НИВЕН
и
СТИВЕН БАРНС

18+

Стивен Барнс

Айс-Вегас

«Автор»

2026

Барнс С.

Айс-Вегас / С. Барнс — «Автор», 2026

В ледяных пустошах Гренландии расположился БАЛЬДР — громадный термоядерный комплекс, снабжающий энергией половину Европы и государство Айс-Вегас. В преддверии Рождества город притягивает со всего мира туристов, которым не терпится встретить праздник в атмосфере волшебства и развлечений. Но мало кто знает, что БАЛЬДР вот-вот станет жертвой диверсии, которая выведет из строя реактор, уничтожит город и унесет сотни тысяч жизней. И единственная надежда на спасение — это Паук. Она — наемная убийца с непревзойденной способностью к маскировке. На ее счету бесчисленные жертвы, а тайна прошлого погребена под вымышленными личностями и имплантированным воспоминаниями. Но в Айс-Вегасе у нее впервые появился друг, пусть и не совсем обычный. Теперь ей предстоит опаснейшая миссия в жизни: не только спасти других, но и разобраться, кто она на самом деле. Что делает человека человеком? И можно ли обрести себя, если ты всегда была кем-то другим?

© Барнс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	20
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Стивен Барнс, Ларри Нивен Айс-Вегас

*«...мы как раз то,
чем хотим казаться,
и потому должны
серьезно относиться к тому,
чем хотим казаться»
Курт Воннегут, «Мать Тьма»*

Глава 1

2138 год
БЕТЕСДА, МЭРИЛЕНД

Двадцатипятиэтажный шестиугольник из кирпича и стали никогда не пустел, но в два часа ночи в Новом госпитале имени Уолтера Рида хотя бы становилось тихо. Золотисто-белые лучи пробивались сквозь крышу и заливали парковку и пешеходные дорожки. Большинство окон были темными; в лунную ночь в этом месте царил покой, от которого делалось не по себе.

Пожилая женщина осторожно поднималась по пандусу к главному входу. Судя по выцветшим волосам, морщинистому лицу, складкам на шее и пигментным пятнам на руках, ей было за семьдесят, но держалась она прямо и крепко. Без определенной этнической принадлежности: то ли арабка, то ли индианка с примесью субсахарской крови. Опиралась она на дубовую трость и манерой ходьбы напоминала трехногого паука: осторожный шаг, перенос центра тяжести, еще шаг. В этой походке, давно уже не юной, читались былые грация и атлетизм. Кашлянув, она коснулась губ платком, с горькой усмешкой оглядела результат, а затем свернула платок квадратиком и убрала обратно в карман.

На посту охраны женщина предъявила удостоверение личности мускулисту агенту Секретной службы в синем костюме. В документе значилось: «мисс Арахниди». Все сделали вид, будто имя настоящее, и пропустили ее без лишних проволок.

Персональная палата была обставлена просто, но со вкусом. Для того, что осталось от семьдесят второго президента, этого хватало с лихвой. Рядом с койкой сидела помощница — бледная полная женщина лет шестидесяти с лишним. При появлении гостьи она обернулась.

— Пока все, — прохрипел старик.

Его седые волосы настолько поредели, что сквозь них проглядывала красноватая кожа. Лицо избороздили морщины, трудные годы согнали со щек здоровый жирок, но губы оставались все такими же полными, а во взгляде по-прежнему горели ум и обаяние, проложившие ему дорогу сначала в Сенат, затем к посту вице-президента и, наконец, в Овальный кабинет.

— Да, мистер президент. — Кивнув, помощница выскользнула из палаты.

Гостья продолжала ждать в дверях.

— Все-таки пришла.

— А вы сомневались?

Бывший президент оглядел ее с ног до головы.

— Ты не настолько старая. В жизни не видел лучшей маскировки.

— Благодарю, сэр. Чем могу помочь?

— Сразу к делу, без обиняков?

Уж не тень ли неловкости скользнула по ее лицу?

— Что я могу для вас сделать?

Увиливает от ответа, само собой. Личность гостыи пытались установить три разведывательных ведомства, но к единому мнению так и не пришли. Родители: неизвестны. Страна рождения: неизвестна. Лингвисты предполагают, что ее отцом мог быть араб, а матерью — мавританка. Анализа ДНК сам президент не видел, но имел все основания считать, что образцы тканей запрашивали. Люди, отправленные за ними, исчезали, не успев доставить материал. Посыл ясен: больше не пробовать.

— После событий в Айс-Вегасе ты официально числишься в «почетной отставке», Паук. Кодовое имя — единственное, что не менялось за все годы их знакомства.

— Сложно отказаться от старых привычек. Чем могу служить, сэр?

Президент озабоченно нахмурился.

— Нужно уточнять, просканировала ли ты комнату? Увы, я не контролирую обстановку, как прежде в Овальном кабинете.

— Да, сэр. Я это предвидела. Похоже, моя личность и маскировка не вызвали подозрений. Электронную слежку я глушу.

Паук постучала по трости изящным кончиком указательного пальца. Стало быть, трость полая и напичкана средствами противодействия.

— Удостоверения, которое я тебе передал, оказалось достаточно. Уверен, они в курсе, что никакая ты не «мисс Арахниди». Но у бывшего президента есть свои преимущества. Это хорошо. Отлично.

Раньше Паук побывала «мисс Сикариус» и «мисс Мактанс». Президента забавляло добавлять в каждый псевдоним намек на пауков.

Женщина осторожно опустилась на деревянный стул поближе к кровати, сохраняя бесстрастное выражение лица. Грим и ухищрения скрывают ее настоящие черты? Или ей попросту неведомы обычные человеческие чувства? Даже такие притупленные, какие испытывает старый ветеран бесчисленных политических битв? Любой властью имущий учится подавлять мягкие проявления эмоций. Это так же важно, как умение убедительно врать или избегать прямых вопросов во время враждебной пресс-конференции. Но в глубине души президент понимал, что перед ним нечто... иное.

— Итак... спрошу еще раз. Чем могу служить? — поинтересовалась женщина.

— Я знаю, что ты имела дело с семьей Вальдемеров.

Короткая пауза. Бледные губы сжались в нитку.

— Один раз. По вашему прямому распоряжению.

— Да, припоминаю. Ватиканское дело. — Это было давно, еще когда он заседал в Сенате.

— И, разумеется, незадолго до Айс-Вегаса.

Паука блеснула глазами.

— Да. Говорите, что от меня требуется.

— Это касается Вен... Вне... — По знаменитому высокому лбу пробежала тень досады.

— Венцесласа, — тихо подсказала Паук.

— В руках Венцесласа Вальдемера III сосредоточилось слишком много власти. Его планам нужно вос... вос...

— Воспрепятствовать.

Неужели она смотрит на него с участием, почти с жалостью? Верится с трудом. К чужой жалости президент давно привык. Тяжкое испытание для человека, который на равных общался с королями. Хуже чужой жалости лишь презрение к самому себе.

— Что с вами случилось? — спросила Паук.

— Альцгеймер, — со вздохом ответил президент. — Мне пришлось уйти с должности. От общественности скрывали, насколько все серьезно. Но новые методы лечения полностью меняют дело.

— Это ведь технологии, разработанные корпорацией Вальдемеров?

— Не совсем. У Вальдемеров доли в стольких компаниях, что практически за всеми новшествами стоят либо их инвестиции, либо их исследования.

— Так что произошло?

— Я... помогал Вальдемеру II с новым проектом. А потом мне пришлось уйти в отставку. — Память о временах, когда он был самым могущественным человеком на планете, до сих пор отзывалась болью, зудела, как фантомная конечность. — Я потерял себя. А когда поправился... то уже не был прежним.

— Увидели все в ином свете?

— Да. Я понял, что был глупцом.

— И теперь хотите это исправить.

— Да.

— Почему выбрали меня? Я в отставке. — В конце фразы ее голос дрогнул. Возможно, подразумевался вопрос.

— Как и я. Но не по своей воле, а в силу обстоятельств. Однако теперь, когда найдено лекарство от Альцгеймера, моя память начинает возвращаться.

Мужчина и женщина, бывший президент и наемная убийца смотрели друг на друга. Паук кашлянула и коснулась платком тонких бледных губ. Все ее движения были намеренными, выверенными, будто продуманными заранее.

Они продолжали смотреть друг на друга. Президент указал на шкаф у противоположной стены.

— В том ящике отличный бренди. Мой врач был бы против, но мы и без того преступаем столько законов, что нарушить пару медицинских правил — пустяк.

Паук улыбнулась. Подошла к шкафу, достала бутылку, взяла два пластиковых стаканчика. В один плеснула более щедро. Тот, что поменьше, оставила себе, второй достался президенту.

Паук пригубила бренди, едва смочив верхнюю губу.

— А теперь расскажите все в подробностях.

Президент сделал осторожный глоток, потом хлебнул более жадно.

— Власть Вальдемеров, — сказал он, когда стаканчик наполовину опустел, — растет из поколения в поколение. На данный момент главу семьи можно смело назвать самым могущественным человеком в мире. И он использует свою власть для разрушения. Его нужно остановить.

Для профессионала, который рассчитывает получить оплату и прожить достаточно долго, чтобы ее потратить, вывод очевиден.

— Вы не верите, что убийца уцелеет.

Президент покачал головой.

— Слишком много рубежей охраны. Слишком много шума поднимется вокруг убийцы. Ты станешь самой разыскиваемой женщиной... человеком, — он слабо улыбнулся, — ...за всю историю. Рано или поздно тебя найдут.

— Иначе говоря, вам нужен человек, которому можно доверять. С особыми навыками. И который не боится смерти. Верно?

За свою жизнь президент слышал от множества суровых мужчин и женщин, что они не боятся смерти. Но впервые ни одна клеточка в нем не усомнилась в словах гостьи.

— Да... верно.

Паук едва заметно улыбнулась и слегка подалась вперед. Заинтересовалась. Взгляд стал острее.

— Хорошо. Расскажите подробности.

— Помнишь «Кракен»?

Еще бы не помнить.

За свою карьеру с миром Вальдемеров Паук сталкивалась по меньшей мере четыре раза. И каждый оборачивался настоящим кошмаром.

Глава 2

2130 год

САНТЬЯГО, ЧИЛИ

Всего час езды на автобусе от Сантьяго, и перед вами Альгарробо — маленький курортный городок к югу от Вальпараисо. Здесь тихо и по-деревенски просто. Вереницы кирпичных домов стилизованы под одноэтажные саманные постройки, какие могли тянуться вдоль местного пляжа два века назад.

Мужчина, женщина и ребенок готовили сэндвичи Баррос Луко — нехитрое чилийское блюдо из тонко нарезанного жареного стейка с сыром в булке. Пальчики оближешь. Мужчина любил эти сэндвичи, потому что называли их в честь Рамона Барроса Луко, бывшего президента Чили и его тезки.

— Думаю, в Альгарробо все-таки лучше, — сказал Рамон Альварес. — Маленький город — хороший город.

Женщина улыбнулась.

— Рамон, ты это называешь «маленьким»?

— Ханна, я слышал, всего в полудне езды отсюда есть городок. Говорят, снорклинг там лучше, чем в Бразилии. Мануэль! — Тишина. — Мануэль?

Мальчик не слышал. Разинув рот, он таращился на линию прибоя. Странно, вода отступила дальше обычного. Искрящийся белый песок был усыпан морскими звездами и трепыхающимися рыбами. Будто невидимый великан стащил громадное синее покрывало со сверкающей простыни.

Это заметил не только Мануэль. Отдыхающие в замешательстве пялились на океан. Но его семья пока не задумалась о странном явлении.

— Пап, — позвал Мануэль, еще не испытывая страх. — Что там такое?

Рамон прищурил глаза от яркого света: на горизонте плясала белая пена. Он озадаченно наморщил лоб. Затем встал.

— Мануэль? — Мальчик даже не повернулся. — Похоже на... да нет, просто солнце...

Озадаченность Рамона сменилась недоумением, а затем и тревогой. Чайки и альбатросы рассеянно кружили в воздухе или неслись в сторону суши, распластав крылья. Вероятно, они напуганы. Воздух буквально дрожал от напряжения.

— Рамон?

— Ханна... — произнес Рамон. — Надо уходить. Сейчас же.

Медленно, поодиночке, а потом целыми группами отдыхающие вытаращились на растущую стену воды, почувствовали, как песок под ногами гудит, будто туго натянутая струна... и бросились наутек, взметая белые облачка под босыми ногами и сандалиями. Первые еще пытались собрать вещи, но с ростом паники их неловкие метания перешли в суматошный бег. Позади остались круги из брошенных зонтиков, напоминающих разноцветные мухоморы.

Альваресы со всех ног бежали к парковке. Кто-то запрыгивал в машины, хлопал дверьми, жал на газ. На выезде быстро образовался затор.

Они не останавливались. Рев за спиной нарастал. Цунами — двадцатиметровая стена воды — с грохотом пронеслось по песку. Сотни отставших просто исчезли.

Волна достигла первых домов, и те разлетелись, будто от удара о синюю стену. Альваресы оказались в ловушке. Рамон и Ханна съежились за углом дома, закрывая собой перепуганного Мануэля, и взялись за руки. В последний раз.

— Я тебя люблю...

Миллион тонн ревущей пены обрушился на них подобно лавине. Когда вода отступила, половина Альгарробо была уничтожена.

Скоростной поезд из Лимы с ревом влетел на станцию Наварро, Чили с трехминутным опозданием относительно обещанного прибытия в 7:38. Вспышка раздражения: не терплю неточность, неэффективность и нарушение договоренностей. Зато порадовало, что международный экспресс не делал остановок на границе. Я надеялась поспать, а проверка документов — та еще морока.

На экранах для пассажиров показывали ущерб от цунами. Сотни погибших.

Я спрятала глаза за солнечными очками и откинулась на спинку кресла, будто уже уснула. Женщина рядом завороченно смотрела на экран.

— Это ужасно, — обратилась она ко мне по-испански.

— Да, — отозвалась я.

— У вас семья в Альгарробо?

— Нет. — Испанским я владею весьма неплохо. — Я журналистка «Трансворлд». Освещаю работу Красного Креста.

Это не так уж далеко от правды. «Трансворлд» — сайт-агрегатор, один из многих, выросших на обломках традиционных новостных служб в середине двадцать первого века. Они ревностно оберегают свою репутацию, тщательно перепроверяют репортажи внештатников и славятся точностью фактов. За минувшие годы я опубликовала у них с десятков репортажей, точнее, «литературные негры» размещали их от моего имени. Так я поддерживала активность журналистской личности, чтобы при необходимости воспользоваться ей в будущем.

Соседка явно нашла меня привлекательной. Как же это раздражает. Всегда раздражает, кроме тех случаев, когда я только что завершила задание. Лишь тогда, за редкими исключениями, мне хочется разрядки.

— Приятный городок. Точнее... был приятным. — Она застенчиво отвела взгляд. — Я хотела спросить, может, вам нужен... даже не знаю... гид или... вроде того.

— Спасибо. Но я буду занята, — сказала я, едва глядя на нее.

Мой тон говорил сам за себя. Женщина отвернулась. Поезд шел вдоль побережья. Интересно, изменились ли очертания береговой линии. К западу, насколько хватало глаз, все в пределах километра от берега выглядело так, будто компания рассерженных детишек раскидала по песку содержимое своих сундучков с игрушками. Уже не в первый раз меня посетила мысль: будь я верующей, то решила бы, что Бог в гневе больше всего похож на избалованного ребенка.

Спустя пять минут мы прибыли на конечную станцию. Я дошла с багажом до стоянки капсул-такси. В пешей доступности виднелся громадный лагерь бездомных. Палатки из ткани и фольги даже немного жизнерадостно лепились друг к другу. Сгрудившиеся беженцы казались настолько потрясенными, будто пошатнулась их вера в реальность. Воздух был густо пропитан смесью разнообразных запахов, от жареной свинины до химически переработанных отходов жизнедеятельности. По виду этот палаточный городок мало отличался от других таких же по всему миру. Подходящее место, чтобы спрятаться человеку вроде меня.

Беженцы провожали такси пустыми взглядами, пока оно скользило в направлении отеля. Добравшись до места, я выбралась из машины, подошла к стойке, взяла ключ от номера. Поднялась на лифте. Осмотрела комнату на предмет шпионских гаджетов — ничего — и только потом проверила сообщения в мобильном телефоне.

Голосовая почта: «Мисс Тимонс? Журналистский пропуск ждет вас на стойке регистрации».

Я спустилась. На меня обращали внимание и мужчины, и женщины. Я забрала бейдж и прилегающий к нему пресс-релиз, пересекла широкий холл и, миновав двойные двери,

оказалась в куполообразной аудитории человек на пятьсот. Примерно пятая часть мест была занята, почти все сидевшие носили такие же бейджи.

Я устроилась в конце зала.

На сцене выступал нервный темнокожий мужчина с выпученными глазами.

— ...любопытны тем, что в случае обычных землетрясений возникают волны трех типов: поверхностные, поперечные, иначе называемые волнами S, и волны давления, также называемые волнами P...

Большую часть я не понимала, а от попыток сосредоточиться начинала кружиться голова. К счастью, в зале находились более компетентные люди.

Поднялся худощавый азиатский репортер.

— Фудзияма, «Сайентифик Американ». По-моему, ваши формулировки чрезмерно упрощены. Взрывы порождают радиально симметричные волны сжатия, тогда как при землетрясениях наблюдается асимметрия: когда одна сторона разлома смещается относительно другой, образуются волны, которые в одних направлениях сжимают земную кору, а в других, наоборот, растягивают. В данном случае картина волн сходна с той, что образуется при нагнетании давления, как в эксперименте на нефтяном месторождении Рейнджли...

Менеджеры на сцене чувствовали себя неловко, и их уклончивые ответы Фудзияму явно не убедили. Слово поспешно передали другому репортеру.

Встала женщина. Чувствовалось, что ей не понравилось, как разговаривали с ее коллегой.

— Сэр, в момент трагедии наследник глобальной промышленной империи стоимостью в триллионы долларов весьма кстати оказался неподалеку. Это простое совпадение или его кто-то предупредил?

На сцену поднялся худощавый мужчина. Из-за залысин лоб его казался огромным. Я его узнала. Венцеслас Вальдемер II. Пятьдесят семь лет, один из богатейших и, безусловно, один из самых фотографируемых людей в мире. В Лувре есть полотна эпохи Ренессанса — героические портреты знати на грани вырождения, — которые напоминают мне о Вальдемере. Впечатление он производил скорее на уровне ощущений. Не хочу сказать, что видела его ауру. Но вокруг него будто искрился воздух. Некоторые люди больше своего тела; они излучают некую энергию, силу, мощь, которая заполняет все пространство.

С Венцесласом все было наоборот. Он казался меньше, чем есть... пока не заговорил.

— Я находился на своей платформе, всего в четырехстах километрах от места катастрофы. Мы почувствовали ударную волну. Я решил повременить с полетом на низкую околоземную орбиту на случай, если смогу чем-то помочь. Признаться, несколько враждебная постановка вопросов меня удивляет, но я все же не намерен отказываться от своего обещания помочь со спасательными операциями.

В его словах чувствовалась сила. Легко представить, как он отдает приказы на совете директоров или совещании акционеров. Зал внимал его речи. Вальдемеру хотелось верить. Он казался чертовски искренним.

Умение притворяться «своим в доску» — один из самых редких и ценных навыков в арсенале олигарха.

Спустя пятьдесят семь минут я стояла в дверях отельной кухни. Даже сегодня мужчины редко воспринимают женщин как угрозу. Несколько техников в оранжевых комбинезонах за столиком ели и непринужденно болтали.

— Еще воды, сэр? — спросила я самого тощего.

Согласно бейджу, звали его Гутьеррес. Выглядел он почти так же, как на голограмме, если не считать следов ночной попойки: мутноватых глаз, вялых губ и влажного блеска на щеках.

— Спасибо.

Гутьеррес увидел, как я улыбнулась. Чего он не увидел, так это спрятанного в ладони пластикового флакона с прозрачной жидкостью. Я выдавила каплю в стакан.

Парень выпил воды. Через час у него случится сердечный приступ. Если здоров — выживет. А если его артерии забиты холестерином от злоупотребления жирной пищей, значит, сам виноват. Разве что я случайно выдавила две капли.

Всякое бывает.

Позже, вернувшись в номер, я изучила переписку между местным филиалом и головной компанией насчет несчастного случая с Гутьерресом.

Фокус в том, чтобы не диктовать условия, а лишь подталкивать. Нужно, чтобы они прислали человека, которого я смогу правдоподобно изобразить: со схожей костной структурой, весом и ростом. Процедура замены хорошо отлажена, а отлаженные процедуры в любой организации можно изучить и взломать.

Тремя часами позже с орбиты спустился сверкающий серебром ракетоплан и в строгом соответствии со всеми воздушными протоколами с ревом приземлился на приподнятую восьмиугольную платформу посреди расчищенной территории. К нему пристыковалась обслуживающая робобашня, и пассажиры покинули корабль. На замену прислали женщину. Хорошо.

За ней прибыло беспилотное такси, но, вопреки ожиданиям, не пустое.

Женщина так удивилась, увидев другого человека, что втащить ее внутрь и погрузить в беспамятство труда не составило.

Мне не по душе смерть без необходимости. Это претит моей склонности к порядку. Слишком... неаккуратно. Поэтому я не стала ее убивать, а ввела в кому на двадцать четыре часа.

Спустя двадцать минут женщина была надежно спрятана в тайнике, а я вернулась в отель. Затем разделась.

Я оглядела в зеркале свое обнаженное тело. Нет, на лоскутное одеяло не похоже. Чтобы отыскать швы и шрамы, придется как следует присмотреться, но большую часть из них я знала, помнила большую часть операций... хотя и не все.

Мускулатура у меня гладкая, тело почти бесполое, несмотря на то что по силе в пересчете на единицу массы я уступаю лишь 0,2% людей. Полезно, когда тебя недооценивают. Темная кожа, взлохмаченная копна темно-каштановых волос. Зеленоватые глаза. Благодаря разным модификациям я могу выдавать себя за представителей обоих полов, по крайней мере внешне. Клиенты думают, что я кокетничаю насчет своего прошлого, но, говоря по правде, у меня столько наложенных воспоминаний для обхода МРТ-детекторов лжи, столько пластических и функциональных операций, столько личностей, что я уже не уверена, где и когда начинаю я сама. Провалы в памяти, оставленные прошлыми травмами, лишь усложняют все еще больше.

У меня есть воспоминания о трех детствах на двух континентах.

Я притворялась всем, чем только можно. И едва не обратилась в ничто.

С помощью грима, контактных линз, накладного бюста, подкладок и разного рода операций я перепробовала весь доступный спектр человеческих обликов.

Есть и другая проблема: пожалуй, я перестаралась, вычищая из Сети любые намеки на свою настоящую личность. Теперь из-за расплывчатых воспоминаний нельзя с уверенностью сказать, кем или чем я была до первых изменений. Кажется, первые шаги состоялись на военной службе. Задание? Личный выбор? Точно не скажешь.

И... чья именно армия? Израиль? Эфиопия? Америка? Черт побери, у меня есть воспоминания о каждой. Слишком много фактов сфабриковано. Такого я не предвидела, но по большому счету меня это уже не тревожит.

Или... это тоже ложь?

Я могу отправить образцы крови и тканей на анализ ДНК, но интуиция подсказывает: не стоит. Я боюсь. Вот только чего? Узнать правду? Вскрыть старое воспоминание? Выдать врагу сам факт своего существования и местонахождение?

Я не знаю. Знаю лишь, что боюсь пойти на этот шаг, а ведь страх мне почти неведом.

«Посадочный центр: “Вальдемер Индастрис”», — гласила надпись.

Я предъявила документы дежурному сотруднику — красивому мужчине с бледной кожей и темно-рыжими волосами.

— Мисс Сирса? Вы быстро добрались.

— Не люблю терять время, — ответила я.

В стеклянной двери у него за спиной мне попало на глаза мое отражение. Не узнай я себя, пожалуй, нашла бы весьма привлекательной.

— И то верно. Добро пожаловать на «Кракен».

Спустя десять минут я сидела в одном из шести кресел в тесном пассажирском отсеке мини-субмарины. В тишине.

— Ты Сирса? — подал голос техник рядом.

Он него исходил неприятный запах. Сам коренастый, кожа на шее обвисла — признак недавней и резкой потери веса. Белки глаз с желтоватым отливом. Должно быть, желтуха. Еще не до конца поправился.

— Да.

— Слышал, ты работала с Вальдемером над критским проектом.

— С *мистером* Венцесласом Вальдемером. — Я надеялась, что неодобрительный тон охладит его любопытство. Без толку.

— Ты приехала со Средиземного моря?

Я посмотрела ему прямо в глаза. Он первым отвел взгляд.

— По правилам подобные разговоры не поощряются.

— Само собой, но ведь, кроме нас, здесь никого. Необязательно...

Я молчала. Просто смотрела вперед. Техник пожал плечами и прошептал себе под нос:

— Стерва.

Чтение по губам — полезный навык. Особенно когда смотришь прямо вперед, а периферийное зрение на двадцать градусов шире обычного, что дает стодевяностоградусный обзор. Редкий навык и потому ценный.

Капсула приближалась к десятку бледных куполов на морском дне. Мне стало интересно.

Я повидала многое и именно поэтому так хороша в своем деле. Некоторые говорят, что у меня нет чувств. Но в действительности это не так. От зрелища, знакомого только по голограммам, захватывало дух.

Капсула сделала круг, пройдя сквозь косяк крошечных серебристых рыбок, отражавших искусственный свет. Блики металась между ними, будто в облаке рассеивающих зеркал. По мере спуска все больше ощущалась близость куполов. Я чувствовала, как нарастает давление воды — чудовищная масса океана над нами, сдерживаемая лишь корпусом подлодки и давлением воздуха внутри. Метр за метром мы снижались к стыковочной платформе, примыкающей к самому крупному куполу.

Следом за вздохом гидравлики донесся приятный щелчок смыкающихся гермоманжет. Люк открылся.

Я незаметно отделилась от остальной группы. Внутренние спецификации главного купола хранились в моих имплантированных линзах. Линзы могли изменять цвет глаз и про-

ещировать виртуальные изображения. Стоило прощелкать нужный код задними зубами, как передо мной тут же расцвели планы сооружения.

Чтобы сориентироваться, хватило пары секунд. Теперь я знала, где и как уединиться.

Режим сна у персонала разнился. Паромы на поверхность ходили каждый день, но большая часть сотрудников ночевала внутри комплекса. Этот распорядок, установившийся еще на этапе строительства, скорее всего, позволял «Вальдемер Индастрис» экспериментировать с человеческими предпочтениями и возможностями, а заодно собирать данные для будущих колонистов.

При всей моей выдержке от увиденного голова шла кругом. Косяки мелкой рыбешки, акула-молот, несколько тварей покрупнее — в холодном свете они казались приплюснутыми. Мимо, извиваясь, проплыла группа «русалок» в гидрокостюмах и ластах. При них были камеры, а не рабочие инструменты. Наверное, клуб подводного плавания.

Для «Вальдемер Индастрис» весь этот комплекс представлял собой лишь тренировочный полигон, одну из ступенек на пути к будущей космической колонии на Луне, а возможно, и дальше. Я бы покривила душой, сказав, что ничто во мне не жаждет увидеть тот мир. Однако сомневаюсь, что проживу достаточно долго. Да и подобное будущее не для таких, как я.

Преодолеть зону усиленного контроля было сложнее, но я справилась. Потом раздобыла оранжево-черный облегающий скафандр, позволяющий обойти купол по периметру. Отыскав купол с оборудованием, я ввела предоставленный код. Внутри меня ждали инструменты, необходимые для выполнения миссии.

Глава 3

Мне никогда не доводилось гулять по дну океана. Скафандр компенсировал разницу в давлении и недостаток равновесия, но чувство проприоцепции немного сбило. Компьютеризированные гироскопы работали на совесть, и большинство людей, скорее всего, ничего бы не заметили. На легкую неестественность в движениях обратит внимание разве что профессиональный артист балета или цирковой канатоходец.

Или кто-то вроде меня.

По морскому дну от центрального узла, будто щупальца осьминога, тянулись дорожки. Раз в несколько минут проходила вереница рабочих. Шаркая, они поднимали целые облака мути, в рассеянном свете шлемов и фонарей похожие на клубящийся дым. Я пристроилась к одной из групп, направляющейся в нужную сторону.

Мы находились на глубине в триста девяносто метров, и я прекрасно понимала, что без снаряжения меня моментально расплющит. Не люблю зависеть от вещей, которых не понимаю до конца. Четвертый купол, пятидесяти метров в диаметре, светился круглыми оранжевыми окнами, опоясывающими его на трех четвертях высоты. У стыковочного шлюза мигал красный маячок. Причал для мини-субмарины? Возможно. Как бы то ни было, именно он мне и нужен — купол с пометкой «Вход воспрещен».

Я знала, что попасть внутрь нельзя. Но снаружи можно подключиться к проводной линии.

Запаса воздуха мне хватало еще на сорок минут.

Дрель была оснащена несколькими бурами и лазером. Такой многофункциональный инструмент предназначался для работников, которым требовалось уместить все возможное снаряжение в максимально компактной форме, размером с базуку времен Второй мировой войны. Я сняла дрель с плеча, проверила заряд, включила и принялась бурить морское дно в точке, указанной имплантированной линзой. Моя цель — коммуникационный кабель, служащий резервной линией для кодированной ультразвуковой системы подводного радио.

Задача оказалась сложнее, чем я думала. Мне говорили, что пробиться сквозь изоляцию кабеля можно за восемнадцать минут. К восемнадцатой минуте кондиционер в скафандре перестал справляться с нагрузкой. Воздух становился все отвратнее. Я насквозь вымокла от пота и не могла унять дрожь в руках и ногах.

Приходилось доверять неопробованному снаряжению. Я такое терпеть не могу. Доверие мне дается непросто, но деваться некуда. Пропуски, информация, коды, снаряжение. На каждом этапе нужно полагаться на незнакомых людей. Однажды это будет стоить мне жизни.

От пота щипало глаза. Оставалось всего несколько минут, прежде чем откажут мышцы. Пока я раздумывала об отступлении, цилиндрический бур наконец пробил внешний слой изоляции. Я поместила внутрь кабеля треугольный дрон размером с кулак. Он закончит начатое и передаст информацию на мою гарнитуру и записывающее устройство.

— Связь установлена, — сообщил компьютер.

— Файлы, — прохрипела я. — Венцеслас Вальдемер II.

На обратном пути казалось, что морское дно подо мной раскачивается. Возможно, виной тому было не давление, а усталость. Меня предупреждали, что это задание на пределе моих возможностей. Я остановилась на шестьдесят секунд, просто чтобы медленно и размеренно подышать, а затем пошла дальше. Нужно сосредоточиться на главном куполе. Нужно туда добраться. Я оставила открытый канал связи с телефоном Вальдемера II, это помогало не вырубиться...

— ...не должно повториться.

— Мистер Вальдемер, мы не знаем наверняка, наша ли это вина. Но продолжать нельзя.

— Вы единственный человек, без которого эта миссия не состоится. Если вас нужно убедить, я это сделаю.

— Сэр... в теории сброс давления кажется разумным, но он приводит к мини-толчкам, и есть риск...

Главный купол расплывался перед глазами. Грудь щемило от боли, воздух превратился в гадкое варево. Стресс и усталость готовились ударить по мне взрывной волной.

Шлюз раскрылся, как выюнок навстречу утреннему солнцу, и я, пошатываясь, ввалилась сквозь его лепестки. Они сомкнулись, и вода отступила. Я рухнула на пол: в вертикальном положении меня поддерживала лишь архимедова сила.

С минуту отдышавшись, я заставила себя встать, сбросила скафандр и открыла внутренний шлюз.

На меня удивленно вытаращился рабочий в водолажном костюме.

— Что с тобой случилось?

Обязан ли он обо мне сообщить? Неизвестно. Пришлось рискнуть: убивать его еще опаснее, учитывая, что я в незнакомой обстановке, а вокруг столько людей.

— Я... отстала. Все в порядке.

Рабочий лишь озадаченно почесал голову мне вслед.

Я сумела добраться до спального бокса, не потеряв сознание. Потребовалось несколько секунд, чтобы установить связь с жучком, и когда в мои виртуальные линзы хлынул поток информации, наконец пришло облегчение. Я нашла и принялась изучать нужные данные. Приходилось бороться со сном: я сильно перенапряглась, спустившись на такую глубину и сразу приступив к работе на дне вместо того, чтобы выждать рекомендуемые двадцать четыре часа и дать себе адаптироваться.

Мне удалось отыскать схемы. Поисковые алгоритмы приступили к работе над транскриптами. Кто-то допустил оплошность, открытым текстом упомянув слово «землетрясение», и программа тут же нащупала цель.

Проект носил кодовое название «Кракен», и спрятали его в перерасходах по чилийскому проекту. Размах поражал воображение. Я нашла целую серию изображений с гипотетическим поселением в точке Лагранжа L5 и его сравнение с подводными куполами на морском дне. Тонны информации, накопленной в ходе строительства, работы и проживания в этих сооружениях. На ее изучение уйдут месяцы.

Общая структура проекта в целом соответствовала заявленной. Цель заключалась в создании обитаемых космических экосистем на основании экспериментов с плавучими и погружными жилыми комплексами. Проверка выносливости как технологической, так и человеческой. Отсюда плавучие города и подводные купола.

Кое-что меня озадачило. Множественные лазерные установки? В документах, конечно, говорилось о том, что лазерные пусковые комплексы для ракет станут для нас лестницей к звездам, но установки проекта «Кракен» больше подходили для бурения. Я решила идти от обратного — от того самого проклятого цунами.

Пока перед глазами сменялись изображения, я боролась с сильнейшими приступами зевоты.

Когда меня почти одолел сон, нашла связь между цунами и проектом «Кракен».

Замечание от Стокса: «Что мы натворили?» Ответ Вальдемера был краток: «Не по открытой линии. Буду завтра».

Открытая линия? Все коммуникационные данные кодируются и передаются по каналам связи, о которых знают лишь самые влиятельные разведывательные ведомства. Плюс ко всему, данные шифруются. Мне не хотелось знать, как мои наниматели раздобыли шифровальный ключ. Подозреваю, что не без попыток. Мне пытки не по душе.

Смерть — естественное явление. Жестокость — выбор человека и многое о нем говорит.

В голове начала складываться картинка, подкрепленная перекрестными отсылками на карты того, что выглядело как купольный город в Средиземном море. И, похоже, он пострадал от землетрясения.

Правительство Чили усмотрело в аварии удобную возможность и предложило субсидии, которые обеспечили Вальдемеру приоритетный доступ и налоговые послабления для строительства у побережья страны, но землетрясения создавали проблемы и там. Тогда Вальдемер нанял Стокса — преподавателя геологии и соавтора статьи по инженерной сейсмологии. В статье Стокс предлагал способы управления землетрясениями.

Не предсказание, не предотвращение — управление. В статье, большинство копий которой успели вычистить из Сети, предлагалось устраивать серию микротолчков с помощью лазерных батарей — снимать давление, ведущее к разрушительному землетрясению, провоцируя более слабые. Но что-то пошло не так. Я нашла запись их разговора.

Вальдемер, покровительственно:

— Мы совершили ошибку, доктор Стокс. Без злого умысла. Мы просто начнем все сначала.

— Три тысячи человек, мистер Вальдемер.

— Эти жертвы вполне можно объяснить последствиями бурения, которое проводилось для спасения жизней. Мы сбросили процентов сорок давления. Толчок мог быть гораздо сильнее.

— Но...

— И мы прекрасно осознаем потенциал этой программы. Мы выполняем великую миссию — спасаем человечество от самого себя. Жертв не избежать...

Вот оно. Истинно верующий. Визионер, для которого человеческие жизни — лишь цифры. Этим можно даже восхититься, для подобного нужна сила. Или полное отсутствие эмпатии. Меня бы наверняка упрекнули в последнем. А он? Опаснейший человек, потому что у него есть и видение, и власть.

В этом заключалось мое третье задание, причем довольно простое: выяснить, спровоцировал ли проект Вальдемера землетрясение, и если да, то прикончить ублюдка. У него были враги. Уверена, многие из них ничем не лучше. Но меня это не касается.

Мое внимание привлек мигающий огонек. Расписание Вальдемера как у властителя мира: большая часть дел запланирована на недели и даже месяцы вперед. Но всего несколько минут назад полет на низкую околоземную орбиту передвинули на сорок часов раньше. Ничего удивительного, учитывая недавние нелестные публикации в прессе. Вспышка злости: я оказалась в роли отстающей. Вальдемер, черт бы его побрал, уже вылетал. Служба безопасности будто знала обо мне и маскировала его перемещения.

Я изучала схемы.

Задание есть задание. Если Вальдемер улизнул, то лишь потому, что моим нанимателям не хватило времени доставить меня в нужное место до его отбытия. Что будет с ним дальше — не мое дело. Мне нужно просто положить конец проекту. Вальдемер сбежал, но Стокс никуда не делся. И как раз направлялся к лазерной батарее.

Смерть без необходимости напрасна. К тому же я не люблю оставлять следы, по которым можно выйти на меня или моих нанимателей. Это неаккуратно.

Я разобрала багаж. На первый взгляд, обычный дорожный набор: туалетные принадлежности, бытовая электроника, компактный спортивный инвентарь. На деле все это были детали приспособлений, которые очень сложно провезти через пункт досмотра. Мало того, большая часть чемоданов была сделана из материалов куда прочнее и дороже обычных и могла пригодиться для самых разных целей.

Я выбрала нужные детали, разобрала их и собрала в новые, более полезные конфигурации. Весомо, хотя, скажем, не настолько, чтобы вывести из строя бронетранспорт. Но это на

поверхности, а под водой достаточно лишь нарушить структурную целостность. А дальше глубина в тысячу метров и давление в тонну на квадратный сантиметр довершат остальное. Следующий транспорт уходил к «Кракену» в этот же день. Бомбу я установила в аккумуляторном блоке.

До воздушного шлюза номер семнадцать я добралась без особых проблем. Схватить одну из работниц и спрятать ее за генератором, наклеив сонный пластырь на руку, — пара пустяков. Ненамного сложнее оказалось скопировать ее лицо примерно той же формы, что и у меня. Я «нарисовала» его подобно портрету.

Когда я забралась в следующую капсулу к поверхности, никто не обратил на меня внимания. Я плюхнулась на среднее сиденье.

Момент критически важен. Приводной маяк наверняка поддерживает связь с роботизированной капсулой. Сигнал стыковки должен активировать бомбу. Я выбилась из сил. Сидела, не поднимая головы. Клонило в сон так, что казалось: еще немного, и я потеряю сознание.

— Мендес? — окликнул кто-то из рабочих. Он обращался ко мне. Я так вымоталась, что даже не взглянула на бейдж. — Сегодня вечером я собираюсь как следует нахрюкаться. Помнишь бар, куда мы ходили в прошлом месяце?

Черт. Как я это ненавижу. Неужели тут все знакомы друг с другом? Я уже собиралась ответить, понимая, что голос меня выдаст, как вдруг капсулу сильно тряхнуло, будто по ней шлепнули гигантской рукой. В ту же секунду замигали красные аварийные огни.

— Тревога! Взрыв на вспомогательном объекте. Мы идем в обход плавучего острова и немедленно возвращаемся к берегу...

В капсуле мгновенно стало тихо. Потрясенные лица говорили больше любых слов. Я изобразила гримасу ужаса. Идеально: теперь можно сделать вид, что я потеряла дар речи от шока. Мы шли напрямик в док, там нас ждет настоящий хаос... репортеры... снять маску и раствориться в толпе несложно.

От берега до взлетной платформы меня доставило такси-шаттл. Спустя два часа я была в воздухе.

В новостях сообщалось о взрыве на экспериментальном объекте, построенном втайне от чилийского правительства. Количество жертв неизвестно. Кто следил за новостями, знает, что произошло дальше: Вальдемера признали виновным в строительстве объекта без ведома властей Чили. За этим последовал суд, где он появился лишь виртуально и только усилиями всех своих адвокатов избежал санкций со стороны всемирного суда.

Наблюдая за самодовольными ответами Вальдемера, я испытывала к нему неприязнь. Но Стокс... я помнила его голос. Его боль. Для него человеческие жертвы имели значение. Думаю, он был хорошим человеком, пусть и сбившимся с пути. А Вальдемер — явно из плохих парней, даже если кому-то кажется, что идеи у него что надо.

Я выглянула в окно, на платформу далеко внизу. Мне не удалось прикончить Вальдемера II. И тогда я пообещала себе, что однажды исправлю эту ошибку.

Глава 4

Мой взгляд скользил по палате бывшего президента. Она вполне могла служить приемной: диваны, стулья, стол для переговоров. Здесь он принимал посетителей. Камеры, скорее всего, слишком малы, чтобы заметить при беглом осмотре, но я обнаружила с десяток мест, где они наверняка есть. Оружие бросалось в глаза гораздо больше. Зеркала, три штуки, с противоположной стороны наверняка выглядят как окна. Шкаф слишком низкий, за ним что-то спрятано. Я решила, что панель управления. Система безопасности весьма продуманная, но устарела лет на десять-пятнадцать. Ее обновлением никто не озаботился; кто захочет причинять вред бывшему президенту, который все больше теряет рассудок?

— Я уничтожил проект «Кракен», чтобы отсрочить захват космоса Вальдемером II, — тем временем говорил президент. — Он использовал подводный комплекс для подготовки будущих поселенцев на Луне и Марсе. Но по сравнению с тем, что сейчас творит его сын и наследник, это просто цветочки. Венцеслас Вальдемер III собирается взять под контроль энергетические ресурсы всей планеты, по крайней мере, большую их часть. Он откладывал строительство солнечных энергетических спутников, пока не обеспечил себе стопроцентную поддержку. Запустить их он планирует при помощи «Бобового стебля» и уже ведет переговоры о его приобретении. Когда остальной мир останется без энергии, деньги потекут к нему.

— Что насчет БАЛБДРа? — спросила я.

— Да. Термоядерная станция снабжает Европу и Африку энергией по сверхпроводящим кабелям. Была ведь попытка вывести ее из строя? Но Вальдемеру контроль над БАЛБДРом не нужен. Он активно внушал десятку развитых стран, что атомные станции — это орудие дьявола, а приливы и ветер — идеальный энергетический источник будущего. Мы должны были замерзнуть в темноте... лет шесть назад? Ну и как, замерзаем? Паук, я несколько отстал от жизни.

— Это не по моей части, — ответила я. — Знаю только, что запасы угля и нефти в западном полушарии законсервированы уже много лет. Может, даже десятилетий. Помните машины? Личные автомобили?

Бывший президент улыбнулся.

— Лимузины в половину футбольного поля. Президентский шик! Паук, я хочу, чтобы ты остановила Вальдемера III.

— Остановила?

— Я пытался придумать, как помешать его планам. Прежде у меня хватало ума. Прежде у меня была власть! А теперь ничего не приходит в голову, кроме как убить его. А тебе? Потому что если мы позволим ему продолжать в том же духе, он станет правителем всей Солнечной системы. Тирания без конца и края.

Я промолчала.

— Где бы он ни прятался, — добавил президент. — Это может быть любое место на Земле. А то и за ее пределами. Ты когда-нибудь бывала в космосе?

— Я прошла через все, от микрогравитации до двух с половиной g. Я знаю вкус вакуума...

— Боже мой, конечно! Только сейчас вспомнил. Ты же побывала на «Бобовом стебле»!

Глава 5

«Бобовый стебель» Найроби снабжает энергией всю восточную часть Африки: Танзанию, Кению, Уганду, Руанду, Бурунди, Демократическую Республику Конго и Южный Судан. Мне же кабель сорока метров в диаметре требовался только для того, чтобы попасть на платформу Вальдемеров — вращающийся аттракцион с переменной гравитацией для очень состоятельных клиентов.

Мало что меня пугает, но высоту я недолюбливаю. Как и тесные пространства. Или пьяных.

Гуляки взбирались по трапу в увеселительную капсулу. Все маски были голо-цифровыми и могли воспроизвести любое лицо по желанию: ангелы, демоны, животные, мультяшные персонажи. Пары напряженно оценивали друг друга с эротическим расчетом. Несколько человек мялись в стороне, стеснялись. Одной из женщин как будто хотелось уйти. Спутник ее успокаивал. Я гадала, на какие рычаги он давит и какие обещания раздает.

Пожилой мужчина — по крайней мере, существо, выглядящее мужчиной, сатир с седой бородой — смотрел на меня с голографическим похотливым прищуром. Оценивал.

— Ты одна? — спросил он, не в силах сдержать желание.

— Встречаюсь с другом на станции. — Не так уж и далеко от истины.

Женщина, висящая на его руке, проявила интерес:

— У тебя очень упругое тело. Хорошо двигаешься. Может, составишь нам компанию?

— Нет, спасибо. Надеюсь, позже. У меня джетлаг.

Сатир спроецировал серебристую слезу, и пара переключилась на других тусовщиков. Я осталась наедине со своими нервами. Мы неслись сквозь облака, ускоряясь под действием магнитной хватки «Бобового стебля».

Я знала, что не следовало выделяться. Глупо привлекать к себе внимание, даже если к тому времени, как все закончится, будет ясно, кто из гостей натворил дел. Разумнее всего поучаствовать с умеренным рвением и мастерством. Как ни странно, у меня просто не получилось себя заставить.

Из скрытых отверстий выдвинулись сетчатые гамаки тройной ширины, и хотя гравитация пока оставалась земной, шарм этого места отчасти объяснялся тем, что гости якобы чувствовали, как становятся легче по мере набора высоты. Подниматься предстояло тридцать шесть часов. Мало-помалу наш вес сойдет на нет.

Наконец я поняла, что осталась единственная, чьи рот и руки не задействованы в чувственном акте. На меня поглядывали с любопытством. Может, просто вуайеристка? Или даже журналистка, охотящаяся за чужими секретами?..

Вынести такое невозможно. Я огляделась по сторонам и, не придумав ничего лучше, согласилась на предложение сатира и его подруги. Пожалуй, они достаточно привлекательные. Наверное. Если заглянуть под маски.

У меня есть все необходимые модификации для полноценного соития, а также навыки, дополняющие мои особые возможности. Так что я просто спрятала разум в тот же ящик, где хранится мое сердце. На мне была маска диснеевской королевы-ведьмы, и я отыгрывала эту роль. Решила, им понравится секс с Малефисентой.

Быть хорошим любовником нетрудно, если уделяешь процессу должное внимание. Я действовала со знанием дела: вслушивалась в их крики, выверяла ахи и охи, наблюдала за их телами, позволяла им прикасаться и проникать в мое. Обычно я не испытываю проблем и могу черпать в подобных актах животное удовольствие. Но не в этот раз. Мои эмоциональные реакции были будто под замком.

Я оставила их довольными и насыщенными. Но вернувшись в каюту, чувствовала себя так, будто извалялась в грязи. Да, это всего лишь толчки, фрикции и телесные выделения, но ситуация действовала мне на нервы так, как редко досаждают секс или насилие. Высота и убывающая гравитация выбивали меня из колеи, а это могло стоить жизни.

Я обтерлась сухим душем, заказала еду с высоким содержанием белка, поела, а потом укуталась в кокон и попыталась заснуть.

Это давалось непросто. Подъем был тихим и плавным, но я ощущала, как уменьшается вес, — или думала, что ощущаю. Будто килограмм за килограммом теряешь себя.

Для меня, как и для любого оперативника высокого уровня, секс — всего лишь инструмент. У меня есть модификации под любое настроение и любую профессиональную надобность. Но мне уже давно не доводилось испытывать такой сложности с окружающей обстановкой...

Пожалуй, со времен «Кракена». Тогда я тоже балансировала на грани из-за смертельной усталости и, как мне казалось, чувствительности к высокому давлению. Может, дело в талассофобии — боязни глубокой воды? Больше я с ней не сталкивалась.

В этот раз происходило нечто похожее, но наоборот.

Запертый ящик в глубине сознания, где хранились воспоминания из детства, начал прогибаться.

Иллюминатор капсулы восемнадцати сантиметров в диаметре и двух в толщину был сделан из кварцевого стекла почти неощутимого голубоватого оттенка. Я лежала в коконе и смотрела, как удаляется земля. «Бобовый стебель», в десять раз толще любой секвойи, истончался до ниточки в облаках. В клубящейся белизне танцевали молнии.

Я погасила свет. Но даже закрыв глаза, видела перед собой пляшущие огоньки.

Когда атмосфера осталась позади, мир будто померк. Я могла приглушить звуки тусовщиков вокруг — трахолетчиков, спешащих на свою небесную оргию, — но от их запаха спрятаться не получалось.

Сон был глубоким и вязким. Когда я начала просыпаться, меня будто потянуло обратно. Голод грыз изнутри, и мелькнула странная мысль: невесомость притупляет аппетит. Лучше подкрепиться, чтобы оставаться в тонусе. Я снова поела — элитная кухня, чтобы обращать на себя внимание и восхищать, — а потом вернулась ко сну.

Я приучила себя не запоминать сновидения.

Думаю, это единственная причина, по которой я еще не утратила рассудок.

Мы достигли средней точки — орбиты Кларка. На геосинхронной орбите с периодом обращения в двадцать четыре часа царил невесомость.

Открылся посадочный люк. Пассажиры выстроились в очередь перед герметичным туннелем к шаттлу, цепляясь за ковровое покрытие липучками на подошвах. Двигались мы неуклюже, натываясь на чужие локти. В воздухе стоял слабый запах мяты и рвоты. Не только мой желудок питает слабость к гравитации.

Я села в заднем ряду. С моего лица не сходила радостная улыбка, но, пожалуй, лишь во мне одной не кипела сексуальная энергия. Продолжая лучезарно улыбаться, я не сводила глаз с приближающегося двойного кольца станции: просто очередная любительница удовольствий возносится в Конфетную страну.

— А ты и правда нечто, — заметил сатир и облизнулся. Я вспомнила родинку на его бедре. Возможно, шрам от прививки — грубее окружающей кожи. — Думаю, мы еще увидимся на этой неделе.

— Жду не дождусь, — ответила я, похотливо изогнув губы.

— Поцелуй? — предложила его статная раскрасневшаяся подруга.

Капсула размером с трейлер отчалила от «Бобового стебля», двигаясь за счет разницы потенциалов между ионосферой и землей. Так же получали энергию и наноботы, изначально отвечавшие за производство синтетического паучьего шелка. Такие нити в переплетении с высокотемпературным сверхпроводником из полукристаллической стеклокерамики составляли основу «Бобового стебля». Теперь эти же боты занимались ремонтом.

Нетрудно представить, каким ущербом могут обернуться проблемы с кабелем. Часть меня задавалась вопросом: как саботировать «Бобовый стебель»? Нужно найти точки естественного напряжения и усилить нагрузку на них при помощи едких веществ или взрывчатки. Еще можно использовать магнитные поля, заставить их взаимодействовать друг с другом. Возможно, кабель разорвется пополам.

Если перерезать его на орбите Кларка или выше, то большая часть обернется вокруг экватора на манер огненной удавки. Такой удар мощнее любой бомбы, применявшейся в войнах. Внешняя часть кабеля улетит в космос и, скорее всего, затеряется в межпланетном пространстве.

Более интересный случай — если перерезать «Бобовый стебель» вблизи основания. Нижний фрагмент кабеля оставит борозду через всю Найроби и дальше на восток. Но большая часть улетит вверх и потом на запад. Пассажиров можно спасти, а сам «Бобовый стебель» — восстановить, но это займет годы.

Разумеется, от подобных атак есть защита. Но меня все равно поражает, насколько хрупка эта громадина.

Все это я знаю, потому что запах секса и духов в салоне выбивал меня из колеи, и я пыталась отвлечься, размышляя об устройстве и разрушении космического лифта. Это помогало.

Шаттл приближался к отелю «Ноль», жемчужине орбитальных инвестиций Вальдемеров. Выглядел он как два концентрических колеса, одно вдвое больше другого. Колеса были соединены цилиндрической осью, секции вращались с разной скоростью.

Думаю, будь я здесь ради развлечений, то утратила бы эмоциональное равновесие, оказавшись среди звезд и так высоко над землей. Но дело есть дело. Да, от страха никуда не денешься, но я не стану — не стану — его испытывать, пока не выполню задание. Дать волю чувствам и сомнениям — все равно что подписать себе смертный приговор или как минимум провалить задание.

Впереди открывался вид на отель, сзади — на «Бобовый стебель», теряющийся в облаках. В сознание ломилась вся акрофобия, которую я успела познать за свою жизнь. В моей улыбке сквозило мазохистское удовлетворение: я сама хозяйка своих чувств, так будет и дальше.

Ось отеля «Ноль», где действовала невесомость, сдавалась в аренду секс-клубу, который именовали не иначе как «трахолетом». Гости зачастую носили маски. Поговаривают, что этим весьма изысканным видом спорта — или все-таки искусства? — занимаются самые влиятельные и знаменитые люди в мире.

Бот-гид вдвое больше моей ладони, оснащенный воздушными винтами и паучьими захватами, показал мне дорогу к номеру и сказал, что мой муж прибывает на следующем шаттле, но его вещи уже в багажном отсеке. Я поблагодарила бота, заперла дверь, свернулась калачиком на кровати и разрыдалась.

«Удовлетворяем любые потребности в удовольствии», — обещал веб-сайт.

Я не стану пересказывать все, что увидела. Повсюду есть камеры: смотрите сами.

И все же представьте, как акробаты «Цирка дю Солей» складываются в сложные чувственные фигуры по пять и десять человек. Вздохи и крики срежиссированы до такой степени, что похожи на оргазмический концерт. Первое впечатление оказалось обманчивым: эти люди

не искали мимолетного секса, а были спортсменами и артистами и обладали немалым мастерством. Соединяя тела, они творили невозможное в условиях гравитации, даже под водой.

Одни, казалось, пытались собрать из человеческих тел нечто вроде вьюнка, приветствующего утреннее солнце. Полная парочка, занимавшаяся сексом в позе «69», с восторгом кувыр-калась по залу. С десятков человек выстроились наподобие медленно крутящегося в воздухе колеса обозрения.

Это... красиво. Я вдруг поняла всю притягательность этого места. Более того, задумалась, смогу ли однажды вернуться для себя лично.

Нет. После этого задания уже не получится пробиться через их систему безопасности. Меня будут искать.

Нужно сосредоточиться. Отель “Ноль”, ось. Невесомость.

Я оттолкнулась и понеслась мимо дрейфующих бражников, которые хихикали и содрогались в клубках счастливой, липкой плоти. Мне не до них: я следовала мысленной карте, ища кое-что на стене между двумя видеоиллюминаторами. Все стены были разделены на прямоугольники из пористого кремowego материала. Один, как мне и обещали, оказался слегка желтоватым — достаточно, чтобы привлечь к себе внимательный взгляд.

Вход в сервисный туннель. Отлично. Я отстранилась от посторонних образов и звуков, но нарастающий сексуальный голод грозил помешать мне трезво мыслить. За свою жизнь я впервые оказалась в месте, где буквально все вращалось вокруг секса; давно подавленные желания просачивались на поверхность.

Это сбивало с толку, но в собственной незаметности я ничуть не сомневалась. За мной никто не наблюдал, но если замешкаться, я привлеку внимание. Прямоугольный люк открылся без особого труда. Электронный ключ системы обслуживания разблокировал замок с минимальным уровнем защиты, и передо мной распахнулся проход раза в полтора шире меня. С дрожащими руками я скользнула в сервисный туннель.

Он был достаточно широким для ремонтных ботов, но я надеялась, что мне они не встретятся.

Как рассмешить Бога?

Рассказать ему о своих планах.

Препятствие явилось в форме бота-ремонтника. Модель «Яскава-17». Двенадцать килограммов. Сверкающий стальной корпус в форме черепахи, покрытый синтетической тканью наподобие денима. Размером с мою грудь, бот был оснащен замысловатыми металлическими конечностями, которые при необходимости выдвигались и втягивались обратно.

Щупальца молниеносно метнулись ко мне. Опасность прекрасно помогает сконцентрироваться, и я вновь почувствовала себя прежней.

С субъективным восприятием скорости — феноменом психологического искажения времени — сталкиваются почти все, обычно в состоянии паники.

Ты не становишься быстрее, но восприятие ускоряется, а при должной тренировке и вовсе начинает казаться, будто на принятие решений у тебя вечность.

Бота создавали по военным стандартам, и предназначался он как для ремонта в неблагоприятных условиях, так и для защиты от противоботного оружия и мобильных единиц. Он умел обороняться и от людей, и от ботов-диверсантов. Весьма неплохая система защиты. Но если заблокировать высшие функции, его реакции сводятся всего к нескольким шаблонам.

Оставалось лишь вспомнить предоставленные спецификации. На этой платформе активно использовались пять видов ремонтных ботов, и у каждого свои слабости. У этого высшие функции защищены от удара, но уязвимы к электрической перегрузке. В рукояти моего ножа скрывался конденсатор — устройство наподобие тазера, которое можно использовать как для захвата цели, так и для убийства. Кончик лезвия был достаточно тонким, чтобы про-

скользнуть в щель у основания глазного стебля. Я разрядила конденсатор. С пронзительным треском и громким хлопком пятьдесят тысяч вольт выжгли вышние цепи бота.

Он завопил. Нет, не вслух и не так, как кричит от боли или страха живое существо. Бот испустил электронное гудение, от которого у меня заныли пломбы. Вопль будто ricochetил от металлических стен по всему туннелю, пока не начало казаться, что у меня поджариваются волоски на руке. Бот дергался и трясся, размахивая похожими на кабели конечностями. Одна рассекла мне левую щеку сквозь маску и промелькнула в неприятной близости от глаза.

Наконец огоньки на его подбрюшьях ярко вспыхнули и погасли, будто внутри запустились все программы разом.

А следом... случилась катастрофа.

Я никогда не узнаю, намеренная ли это была тактика или следствие внутренних повреждений, но в туннеле замигал предупреждающий сигнал: «Аварийный продув».

Вот черт!

Я услышала и увидела, как открылась внутренняя панель, а затем ощутила, как следом отодвигается внешняя стена. Раздался хлопок, и воздух с шумом устремился наружу.

Мне хотелось задержать дыхание, но я знала, что это еще опаснее. Воздух в легких начнет расширяться, а отсюда напрашивается следующий вопрос: что убьет меня раньше? Легкие, раздувшиеся при нулевом давлении, или удушье?

Хуже того, вернулось смятение. Разрозненные мысли теснились, давили одна на другую в темнеющем, сужающемся коридоре сознания. Ощущение замедления времени стало острее: казалось, будто оно вовсе остановило ход. Я смотрела на открытый двустворчатый люк — расстояние между створками не превышало моей ладони, — и видела собственную смерть.

Звезды. Такие яркие. Такие прекрасные, хоть я и знала, что уже через несколько секунд у меня закипят слезы. Впервые я оказалась в такой близости к этим первозданным актам творчества. Мимолетные искорки в бесконечной ночи, иллюзия надежды перед наступлением тьмы. Зов пустоты, или *l'appel du vide*, как говорят французы.

Я могу просто сдаться. Оттолкнуться и полететь вперед. Покончить со всем...

Нет.

Телу хочется жить, даже если разум не до конца понимает зачем. Возьмите человека, страдающего от тяжелой депрессии и суицидальных мыслей, и засуньте его голову в ведро с водой — даже он будет бороться за жизнь. Этот базовый животный инстинкт спас меня, будто запрограммированный переключатель вдруг замкнул цепь самой жизни.

К черту смерть. Мне хотелось жить.

Я схватила ремонтного бота, который еще дергался, уперлась, перевернула его и прижала к дыре. По его бокам вздулись пузыри — емкости с герметиком на случай метеоритных пробоин. Пошарив в сумке, я нашла портативный дыхательный аппарат размером не больше сигары. Одновременно сунула его в рот и принялась бить ножом по пузырям бота, пока один из них не лопнул. Наружу хлынула белая струя, и туннель начал заполняться пеной. Я руками размазывала пену везде, где бот не закрыл пробоину. К моему облегчению пена будто понимала, что мне нужно: расширялась, цеплялась за стены, запечатывала вакуум. Бледная, мыльная масса быстро затвердевала, как и положено эпоксидным ремонтным пенам.

Где-то в далеком центре управления зазвенела сигнализация. Неизвестно, сколько времени оставалось до проверки, однако вышедший из строя бот-ремонтник вкупе с двадцатисекундной утечкой воздуха указывал скорее на механическую неисправность, чем на попытку вторжения.

Я не стала глушить сигнал, а решила, наоборот, его размножить. Клонировать. Такую необходимость предусмотрели заранее. Пара нажатий на моем ключе, и процесс запущен. Если все сработает, то аналогичные сигналы о «разгерметизации» начнут поступать с каждого датчика на протяжении трех километров сервисных туннелей. Чтобы отключить датчики и разо-

браться в причинах, потребуется много времени... По крайней мере, я на это надеялась. Но если служба безопасности следит за манометрами, то поймет, что утечки больше нет. Панику это не вызовет, но любопытство точно разожжет. В космосе можно умереть по массе причин, и недостаток любопытства — безусловно, одна из них. Они займутся проверкой, но действовать будут методично. Если я не поддамся панике, мне ничего не грозит.

Какое-то время я парила в невесомости, пытаюсь сориентироваться.

Наконец я обогнула ремонтного бота. Его конечности все еще подрагивали, как у полураздавленного жука. Звук мало-помалу возвращался, бот почти механически поскуливал, и так я поняла, что туннель снова заполняется воздухом.

Проплыв вперед, я обнаружила панели доступа с S22 по S26. Я взломала замок на S27, открыла ее и стала ждать.

Вскоре показался человек-охранник. Он подтягивался по кабелю, натянутому между рядом поручней.

Смерть стала для него полной неожиданностью. С внезапной и сокрушительной силой я схватила его за челюсть и вогнала нож в передний родничковый шов на темени. Прежде чем вынуть нож, дождалась, пока перестанет биться сердце. Кровавые брызги в невесомости — это, конечно, красиво, но неаккуратно.

В конце коридора, всего в нескольких метрах, находилась запечатанная дверь. Я обманула биометрический замок, приложив ладонь мертвого охранника, а затем заглянула в окошко в середине двери. Конструкция монолитная, сваренная наглухо, никаким ключом такую камеру не открыть. У квадратного прозрачного окошка из оксинитрида алюминия, достаточно большого, чтобы через него передавать пищу, воду, мусор и отходы жизнедеятельности, имелся хитроумный замок. Я взяла с собой подходящие инструменты. Но пока в них нет нужды.

Внешние края камеры стояли на рельсах: вся конструкция напоминала лифт, встроенный в одну из «спиц» колеса станции. При необходимости камера могла перемещаться от центра к периферии. Очевидного способа выбраться из нее или попасть в нее, не демонтируя половину конструкции, я не нашла. Но через окошко можно заглянуть внутрь. Вдоль нижнего края шли шесть отверстий шириной с мизинец — для передачи звука.

В камере с мягкой обивкой парил мужчина в набедренной повязке. Бледный, дородный, обрызганный. Стены были забрызганы нечистотами.

— Здравствуйте, отец Торрес. Розовый бутон.

Он перекувырнулся, как покалеченный тритон, и сумел повернуться ко мне лицом.

— Кто?

— Вы знаете.

Отец Торрес продолжал барахтаться, и его нога оказалась рядом со стеной. Он оттолкнулся и уставился на меня.

— Это ты?

— Да. Паук.

— Ты пришла, чтобы меня убить?

— Если захотите.

Пауза.

— Тогда... зачем?

— Меня прислали наши общие друзья. Мой гонорар оплачен. Это все, что вам нужно знать.

Отец Торрес заметно расслабился.

— Я тебе верю.

— Хорошо, — сказала я. — Но боюсь, у нас мало времени.

— Что тебе нужно?

— Во-первых... что тут происходит?

Я неопределенно повела рукой. Мысли все еще ворочались медленнее обычного. Неприятно видеть воочию то, о чем раньше только догадывалась. Информации не хватало.

— Меня похитили. Я летел домой, и такси... Помню странный запах, а потом очнулся здесь. Не помню, как давно. Ты знаешь?

— Вы пропали двести семьдесят дней назад.

Он тут же сник.

— Всего-то? Я думал, прошло уже несколько лет. Сюда меня доставили в течение недели. Кажется. Если бы меня побрили сразу, я бы и этого не знал. Иногда меня бреют и подстригают ногти — я вижу это, когда просыпаюсь. Думаю, это делают, чтобы я не мог следить за временем. Я пытался отмечать на стенах приемы пищи, но, наверное, меня кормят с разными интервалами. Точно не знаю. — Он умолк, будто ему в голову вдруг пришла жуткая мысль. — Ты настоящая?

Бедняга.

— Настоящая. — Я вложила в это слово всю силу, на какую способна.

Его налитые кровью, мутные серые глаза впились в мои. Наконец он кивнул.

— Вас пытали? — спросила я.

— Я... я не знаю. Меня держат здесь. Иногда перевозят туда, где я становлюсь слишком тяжелым. Мне очень плохо.

Я понимала почему. И как все это устроено.

В 2089 году Папа Игнатий выпустил официальную прокламацию о запрете пыток, исчерпывающую как по обоснованию, так и по перечню. Согласно широко распространенному мнению, направлена она была прежде всего против ватиканского разведывательного ведомства, известного как Общность. Судя по списку запрещенных практик, можно многое предположить о деятельности Общности в предыдущие десятилетия. В прокламации, к примеру, прямым текстом запрещается сдирать с человека кожу, не говоря уже о последующем посыпании солью. Пара случаев с безымянными жертвами в Греции внезапно обрела новый смысл. Но это лишь ретроспектива. С точки зрения будущего, документ был воспринят как реальная попытка реформации.

Существовала еще одна группа под названием Клан — одна из ячеек Общности, защищавшая подпольную сеть священников-педофилов, которые свято следовали писаниям какого-то монаха-отступника четырнадцатого века.

Клан покрывал насильников и при этом считал себя не вправе нарушать папскую прокламацию о запрете «допросов с пристрастием». От такого двоемыслия у меня голова шла кругом.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил отец Торрес.

Клану требовалась информация, которой владел отец Торрес. Они соблюдали букву прокламации, но придумали совершенно новый способ мучить жертву, о котором раньше никто не догадывался. Более того, возможным этот способ стал лишь с середины двадцать первого века.

Перед мной была тень человека, который однажды рискнул своей бессмертной душой, чтобы передать мне письмо. Я убила генералиссимуса Чавеса. Один из моих лучших выстрелов, с расстояния в тысяча двести метров в неблагоприятных условиях. Отец Торрес доставил детальную информацию и плату за задание, и хотя он не знал точно, что в конверте, но наверняка догадывался. Не мог не догадываться.

Рискнуть душой ради своей паствы. Нет слов, чтобы выразить всю глубину моего восхищения этим поступком. Вот что значит настоящая вера. Вот что значит, когда ради веры ты молишь Бога принять во внимание мотивы поступка и готов навлечь на себя вечное проклятие.

Теперь отец Торрес ввязался во что-то другое. И, скорее-всего, снова из-за Общности. У него была информация о Клане, и Клан ломал его, чтобы ее получить, перемещая то в невесомость, где слабели мышцы и кости, то в зону земной гравитации, чтобы спровоцировать мик-

ротравмы. Держу пари, питание тщательно подбирали, чтобы устроить настоящий катаболический кошмар.

Человеческое тело не создано для невесомости. Без изнурительных упражнений кости и мышцы начинают деградировать спустя всего шесть дней. Эти монстры держали отца Торреса в невесомости, пока он не превратился в жалкое подобие себя.

Сколько нужно циклов, чтобы довести до такого состояния сильного и здорового мужчину? Двести семьдесят дней. Циклов двадцать-пятьдесят. И все ради информации, запертой в его памяти.

— Я знаю, что тебе нужно, — сказал отец Торрес. — А ты знаешь, что нужно мне, но я не могу об этом попросить.

— Если передадите мне сведения... то через тридцать шесть часов с вами ничего не смогут сделать. Вам необязательно умирать.

— Я готов к суду Господнему.

— Значит, вы получите то, о чем не можете попросить.

— Спасибо.

Отец Торрес продиктовал последовательность из букв и цифр. Он всегда был эрудитом, так что в точности данных я не сомневалась. Но все же попросила повторить, а затем сама воспроизвела их вслух.

— Спасибо, Паук, — тяжело дыша, сказал он. — В моих ли силах... чем-то тебе помочь?

Я едва не рассмеялась, но что-то внутри меня произнесло «да».

— Я хочу исповедаться.

Глаза отца Торреса расширились от удивления. Затем он будто вспомнил о своем сане и кивнул.

— Да, дитя мое.

— Простите меня, отче, ибо я согрешила. Я убивала, отче. Убивала с умыслом. Я брала чужое...

Я продолжала говорить — поначалу сбивчиво, потом слова полились рекой, будто я ждала этого момента много лет. Возможно, так и есть.

Наконец я замолчала.

— Я услышал тебя, дочь моя. Во искупление своих грехов ты обязана сделать все от тебя зависящее, чтобы довести это задание до конца. Клан нужно уничтожить.

— Да, отче.

— И еще кое-что. Еще один груз для твоей души, который я тебе заранее прощаю.

— Спасибо, отче.

Он поднял подбородок. Я открыла окошко с помощью своих инструментов. А затем быстро, опасаясь поднять тревогу, просунула руки в проем и надавила большими пальцами на сонные артерии отца Торреса. Он не сопротивлялся и уже через несколько секунд потерял сознание.

Глаза его закрылись. Он умер.

Хорошая смерть.

Информация была у меня. Но если мои наниматели хотели ее получить, им требовалось обеспечить мне путь к отступлению.

Глава 6

Отель располагался в четырех тысячах километров над землей и обращался по двадцатичетырехчасовой орбите. Самый простой способ выбраться — угнать одну из двухсот двухместных спасательных капсул или тайком протащить на борт ракету. И то, и другое сложно проверить на практике.

Держась тени и малоиспользуемых коридоров, я за двенадцать минут добралась до багажного отсека №5, одного из шести на станции. Багаж моего «мужа» был втиснут между стеной из чемоданов и изгибом внешней оболочки станции. За ней, скорее всего, находилась многослойная конструкция, напоминающая пчелиные соты, а за внешней стеной из сплава — вакуум.

Я искала три больших чемодана со снаряжением. Сложно представить, каких денег стоило протащить их через службу безопасности. Если бы в них нашли что-то потенциально опасное, затраты выросли бы десятикратно и мой отход стал бы попросту нецелесообразным.

Когда я открыла первый чемодан, начала звенеть сигнализация. Изучив содержимое, я моментально поняла, что это такое и что с этим делать: гипнотическая блокировка открыла очередную дверь в моем разуме. Если что-то пойдет не так, эти блоки схлопнутся, и все знания, завязанные на цепочку успешных результатов, исчезнут навсегда. Я бы не смогла ни привести посторонних к этому снаряжению, ни выдать своих нанимателей.

В двух чемоданах мой путь к спасению. Третий — элемент маскировки. Каким бы способом я ни покинула станцию, у службы безопасности будет достаточно времени, чтобы меня поймать. Мне не скрыть ни свои действия, ни побег. Зато можно усложнить им задачу. Лучшее место, чтобы спрятать иголку, — в стоге иголок.

Я отыскала пульт управления и активировала первую фазу отхода.

Пол едва заметно содрогнулся. Ничего удивительного: я только что перехватила управление системой аварийной эвакуации и запустила сотню автоматических спасательных капсул. Службе безопасности станции и всем причастным силовым структурам придется отследить каждую и после посадки попытаться арестовать пассажиров. Что ж, желаю им удачи.

Помимо пульта управления, в первом чемодане лежали аккуратно свернутые надувные шары с металлической оболочкой, оборудованные миниатюрными насосами для подачи углекислого газа. Отлично.

Во втором чемодане, разделенном на две модульные секции, находился птеранодон — прототип одноместного аппарата для спуска с орбиты. По сути, защитный костюм с регенератором кислорода, рассчитанный на сорок восемь часов ада. К нему прилагалась система магнитной стыковки и компактный парашют. Чудо, как все это уместилось в двух больших, но невзрачных чемоданах.

Прообразом для птеранодона послужили не столько птеродактили, сколько летяги. Другими словами, в нем больше от белки, чем от динозавра.

По современным представлениям, птеродактили, в отличие от белок-летяг, были способны к настоящему полету. Мне сложно угнаться за научной картиной — она меняется каждые лет десять, — но на данный момент принято считать, что крылатые динозавры умели летать по-настоящему. А белки-летяги, в отличие от птиц или летучих мышей, лишь планируют с дерева на дерево при помощи патагиума — покрытой мехом кожной перепонки, которая похожа на парашют и тянется от запястья до щиколотки. Мой птеранодон был сделан из какого-то современного синтетика, и оставалось лишь верить свою жизнь в руки тех, кто его выбрал и создал.

Я надела костюм. Он автоматически загерметизировался и выровнял давление. Воздух медленно шипел на пороге слышимости. Теперь я изолирована от внешней атмосферы. Нейтрализаторы углекислого газа рассчитаны на сорок восемь часов. Странно: именно в тот

момент я вспомнила тренировки с таким же снаряжением. Прыжок с реактивного самолета, летящего на большой высоте, и планирование к земле сквозь бурю... Черт возьми, во что я ввязалась?

Так странно, что воспоминания всплывают именно тогда, когда в них возникает нужда. Маленькое чудо.

Выбраться со станции живой — тоже чудо. Меня позабавило, что часть моего разума пытается еще и делать ставки на исход спуска. Я беспечно пожала плечами и потащила пятьдесят обманок к воздушному шлюзу грузового отсека.

Неплохой способ умереть.

Прямо перед тем, как я успела нажать последнюю кнопку, меня посетила жуткая мысль. Если моим нанимателям нужна информация из головы отца Торреса, им придется доставить меня на землю. Но что, если эта информация им без надобности? Что, если им нужна только его смерть?

Люк открылся, и я запустила шары. Они начали надуваться. Плоские выступы распухали в руки, ноги, туловища, головы. Кто-то даже нарисовал на них улыбающиеся рожицы. Я так и не решила, смеяться или сердиться.

Послужат они не для создания подъемной силы, ведь мы на орбите. Пятьдесят улыбающихся металлических воздушных шаров формой и размером с человека на скалах будут выглядеть как настоящие люди в скафандрах.

Все равно что спрятать иголку в стоге иголок.

Я бросилась в самую гущу роя.

По сути, выбора нет — только рискнуть. Откуда им знать наверняка, что я помогла ему умереть? Так ведь?

Неужели я настолько предсказуема?

Я скользила сквозь пространство над громадным туманно-голубым диском. В двигательной системе птеранодона я не разбиралась, но решила, что по принципу действия она схожа с кислородными масками в самолетах двадцать первого века.

Источником кислорода в них служил не баллон или резервуар, скрытый внутри багажных полок, а картридж — так называемый генератор кислорода. Внутри устройства хлорид натрия смешивался с пероксидом бария и перхлоратом калия; в результате реакции выделялся спасительный O₂.

Скорее всего, подвижность костюма обеспечивается схожей твердотельной смесью, которая при активации производит непрерывную струю сжатого газа. Направляешь сопло в сторону, противоположную цели, и получаешь систему реактивной тяги. Я надеялась, все работает. Пока я двигалась в расширяющемся облаке улыбчивых рожиц, действующих, видимо, по аналогичной системе, для коррекции курса мне хватало лишь коротких импульсов.

Я целилась в «Бобовый стебель». Спасательные капсулы и обманки разлетались в разные стороны: многие — к другим станциям, часть — на более высокую или низкую орбиту. Служба безопасности станции, наверное, сходила с ума, пытаясь понять, что происходит.

Я тщательно корректировала курс.

И снова этот зов пустоты. Если мне казалось сложным даже путешествие в туристической капсуле «Бобового стебля», то для свободного полета в этом чертовом костюме и вовсе требовалось заглушить все эмоции, кроме звериной тяги к выживанию, которая заставляла меня неотрывно следить за маяком, мигающим на внутреннем экране шлема.

Парение.

До «Бобового стебля» было два километра. Я добралась за сорок минут и расслабилась лишь после того, как включился компьютер и замкнулись магнитные поля кабеля и костюма. Мне предстоял долгий-долгий спуск. Все время я парила не больше чем в десятке метров от

этого удивительного сооружения. Одно из величайших достижений человечества превратилось в путь отхода для наемной убийцы.

Всем заправляла автоматика, и я наконец-то могла расслабиться. Даже если меня найдут, то, скорее всего, попытаются схватить после приземления. Радиоприемник костюма отслеживал все частоты; станцию охватил неожиданный хаос. Судя по всему, мои наниматели утаили часть планов. Или эта информация по-прежнему скрыта за постгипнотическими блоками.

Я была пылинкой, плывущей к земле. В лучшем случае спуск займет сорок шесть часов, и все это время мне придется довольствоваться небольшим количеством воды из сосочка в шлеме и, возможно, сахарно-белковой смесью. Но по большей части меня ждет просто спуск.

Дрейф. Магнитное поле «Бобового стебля» замедляло меня — слабее земной гравитации, но ощутимо.

Я засыпала, просыпалась, снова засыпала. Прошло несколько часов, прежде чем земной диск занял все поле зрения и начали медленно проступать детали. Еще больше времени потребуется, чтобы преодолеть первые туманные облака в стратосфере.

Сознание лихорадочно подбрасывало самые разные факты. Крохотный суетливый зверек в моей голове отчаянно пытался сдержать панику, цепляясь за информацию вместо древнего, намертво прошитого в человека ужаса: «Я падаю!».

Экзосфера простирается от семисот до десяти тысяч километров. Ниже, от восьмидесяти до семисот километров, располагается термосфера. Еще ниже, от пятидесяти до восьмидесяти километров, — мезосфера. И наконец, от двенадцати до пятидесяти километров — стратосфера.

Путь предстоял долгий.

Мой костюм начал подрагивать. В чем дело? Мимо промелькнула поднимающаяся капсула с иллюминатором. Дрожь прекратилась.

Я падала и падала всего в нескольких метрах от самого громадного одиночного сооружения, когда-либо созданного человеком.

Дрожь от магнитного поля возобновилась, но уже медленнее. Мимо проплыла грузовая капсула, спускаясь чуть быстрее меня. Есть ли кто-то на борту? Вот так просто меня и раскроют.

Я спала. Просыпалась. Снова спала. И наконец у нижней границы экзосферы, примерно на высоте в тысячу километров, оказалась в пограничном состоянии между сном и явью. Я не спала и не бодрствовала, перед глазами маячили образы, а в голове толкались мысли, которые не посещали меня уже много, много лет...

Это меня потрясло.

Всплыл эпизод из детства.

Я бегу вдоль ручья. По одну сторону — кучка бетонных зданий. Бедность, но не откровенная нищета. Едва слышные обрывки музыки, едва уловимый запах еды. Этническую принадлежность не определить.

Своего лица я не видела. Я что-то слышала, кто-то звал меня по имени... но не разобрать. Все равно что пытаться вспомнить фразу, услышанную однажды на незнакомом языке.

Такие бетонные здания могут стоять практически в любой точке планеты. В Африке, Европе или Латинской Америке. Эта модульная структура повсеместна. Когда я попыталась ухватить больше, все исчезло, но меня захлестнула благодарность даже за эти крохи.

Подо мной разрасталась земля, в общем рисунке проступали мелкие детали. Единообразный пейзаж, которому неведомы войны и границы государств, растворялся, обретая знакомые черты. Пока я приближалась к концу этого этапа отхода, туманное окошко в мое прошлое захлопнулось.

У нижней границы термосферы, когда до земли оставалось километров двести, я отключилась от магнитного поля «Бобового стебля» и перешла в свободное падение.

Падение...

Все происходило быстро. Уже через несколько минут атмосфера стала достаточно плотной, чтобы расправить крылья-патагиум и планировать в западном направлении, теряя километр высоты на каждые три километра пути. Внизу мелькали зеленые поля и шрамы городов. Формы и цвета, указывающие на деятельность человека, а не на геологию.

Падение...

Сканер в шлеме засек далекий разговор: кто-то пытался отыскать объект, который, по словам очевидцев, сначала спускался вдоль «Бобового стебля», затем совершил полный спиральный виток вокруг титанической конструкции и, по их мнению, направился на юго-восток. Или же просто они хотели, чтобы я так думала.

Падение...

До земли оставалось всего семь километров. Я раскрыла парашют и приступила к торможению. Маяк, на который ориентировалась моя система навигации, располагался чуть впереди. Если раньше я сомневалась в качестве и эффективности снаряжения и даже подумывала о том, что наниматели могут и вовсе поставить на мне крест, то теперь от этих мыслей не осталось и следа. Снаряжение первоклассное. От счастья сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я приземлилась, перекатилась и рухнула без сил. Изнеможение последних сорока восьми часов тут же смыло радостью.

Жива!

Я закопала парашют и костюм в песчаной земле и привалила сверху камень. Затем вывернула одежду наизнанку: получился по виду — но не по сути — невзрачный комбинезон, какие носят миллионы работяг. Маяк сработал точно, да и я не ошиблась: до нужного поселка не больше трех километров. Добравшись до солнечной фермы на окраине, я влилась в редкий поток мигрантов, направляющихся к центральному пункту сбора на главной площади.

Мигранты были африканцами из десятка племен и народностей, в том числе кикую из Кении и игбо и хауса из Нигерии. Многие мне кивали, но мало кто пытался завести разговор. По виду я казалась им полукровкой, скорее всего, с примесью ближневосточных корней. Никто не обращал на меня особого внимания, хотя, приглядишься они как следует, то увидели бы, что моя одежда лишь кажется хлопковой, а на деле изготовлена из более тонкого и практически не поддающегося износу синтетика.

Впереди высились кварталы бетонных зданий. Солнечная электростанция питала оживленный поселок и водонасосные станции. Плотная застройка: магазины, лавки, жилые дома. К главной площади тянулся поток мигрантов в поисках работы. Это явно в порядке вещей, и я в очередной раз оценила, насколько продуман мой отход.

Иголка в стоге иголок.

Сотни мужчин и женщин толпились, выстраивались в очереди к работодателям, которым требовались те или иные навыки. По моим прикидкам, поселок Адегу насчитывал тысяч двадцать жителей и служил центром для более мелких поселений по всему региону. Здесь вели набор рекрутеры из сотни компаний, и я вдруг поняла, куда именно нужно идти. Когда я предъявила свое безупречное удостоверение, мужчина просканировал его и спешно направил меня в очередь поменьше.

Другой мужчина взглянул сначала на результаты сканирования, затем на меня, после чего указал на еще более короткую очередь, а потом отвел к грузовику, в котором уже сидело пять человек. Мы поехали на север по вполне приличной асфальтированной дороге. Тем временем над главной площадью заходили на посадку военные транспортные самолеты. Но их было слишком мало. Видимо, ресурсов едва хватало на покрытие территории. По сути, символическое подкрепление... а нас уже и след простыл.

Не буду вдаваться в подробности, как я добралась до Лагоса, это неосмотрительно. Но к тому моменту, как впереди показались башни и огни этого легендарного города, я успела несколько раз сменить и одежду, и транспорт и мало чем напоминала женщину, которая поднялась по «Бобовому стеблю» неделю назад.

Женщина, которой я стала, с легкостью прошла контроль безопасности и регистрацию в отеле «Одиссей», предъявив безупречное удостоверение личности. Учтивый бот-коридорный проводил меня в роскошный люкс, поинтересовавшись, есть ли у меня багаж, и, кажется, слегка разочаровался его отсутствием.

Довольно забавно: он спросил, не желаю ли я оставить чаевые. Я согласилась. В конце концов, деньги не мои.

Когда закрылась дверь, я закричала и с разбега бросилась на огромную круглую кровать. Я лежала и хохотала до слез. Потом, должно быть, уснула, не заметив усталости, потому что когда открыла глаза, то поняла, что солнце уже село.

Я набрала ванну, включила фильтры, призванные защитить меня от местных микробов, добавила пену, скинула с себя одежду и растворилась в блаженстве. Высшее наслаждение — тереть каждый сантиметр кожи, каждую пору.

Отмывшись до блеска, я переключила ванну в режим джакузи и стала перебирать голограммы с изображениями разных «каналов» и «городков» по всему миру, надеясь отыскать хоть что-то знакомое. Поиски оказались тщетными, но я знала, что однажды найду, что ищу. Когда-нибудь.

На следующий день я передала информацию представителям моих нанимателей и увидела, как разбухает мой банковский счет. На этом все должно было закончиться. Но я тщательно следила за новостями еще несколько недель. Если вы изучали историю того периода, то знаете, что Папа с позором оставил свой пост после обвинений в покровительстве педофилов.

Да, вы все правильно поняли. Те самые улики, которые он собирал, чтобы уничтожить Клан, обратили против него, извратив и обнародовав в СМИ вместо того, чтобы передать в суд. Общество подняла настоящую бурю, а защититься от такого попросту невозможно.

Об этом я услышала в Джидде на Аравийском полуострове. С моего балкона открывался роскошный вид на лес из стекла и стали, сверкающий, как Таймс-сквер.

Но для меня все сливалось в смазанное пятно.

За последнее задание я получила плату гораздо большую, чем можно было ожидать. Вспомнила свое имя и кусочек прошлого. Я знаю, что эти воспоминания реальны, а не имплантированы. Не могу объяснить откуда, но я знаю это так же верно, как собственное дыхание. Но еще монстры не просто одержали победу, а переиграли меня, воспользовались мной. Погиб хороший человек. А его наказ, его просьба завершить задание в обмен на отпущение грехов так и остался невыполненным.

Теперь я понимала: свое имя я вспомнила именно благодаря убежденности в том, что довела задание до конца. На несколько часов я освободилась не только от силы тяготения, но и от бремени собственных грехов. Свободный полет. И в знак признательности душа одарила меня именем. В итоге я все же потерпела неудачу, и все мои преступления, все загубленные мной жизни снова навалились тяжким грузом. Я разрыдалась.

Когда высохли слезы, занимался рассвет. Золотое сияние на востоке наполняло тихим огнем величественный, неподвижный океан.

Решение пришло быстро и целиком, будто одна часть моего «я» вручила другой практически готовый план. Кое-что по необходимости оставалось размытым и таким останется, пока я не узнаю больше или не приступлю к активным действиям.

Я надеялась, что Вальдемер III — хороший человек, как следует из его досье. Ведь с его отцом у нас свои счеты. Из всех людей, причастных к этому мерзкому делу, Вальдемер II

выделялся особо. Мне это было ясно как день. Именно ему принадлежит отель «Ноль». Только влиятельный человек с высшим уровнем доступа мог выбить мне место на борту. И превратить в белку-летягу по имени Рокки.

Но что важнее, создать и использовать пыточное устройство, предназначенное для отца Торреса.

«Почему?» — недоумевала я. А потом стала наводить справки. И нашла ответ, погребенный под серией интервью в маргинальных научных изданиях.

Семья Вальдемеров одержима космосом, идеей вывести человечество за пределы планеты. Один из главных мотивов — рост населения. Дело вовсе не в желании переселить миллиарды людей на орбиту, просто в этих растущих цифрах они видят фактор, делающий человеческую цивилизацию значительно более хрупкой, чем всего пару веков назад.

В интервью Вальдемер II выступал против принудительной стерилизации, но с раздражением говорил о том, как трудно продвигать контроль над рождаемостью в Латинской Америке из-за влияния католической церкви.

Вот и пожалуйста. Средства, возможность, а теперь и мотив. Низложив Папу Римского, он ослабил влияние церкви. Для извращенного ума ложное обвинение в педофилии и уничтожение хорошего человека — цена вполне приемлемая. Манипулировать мной, чтобы я убила еще одного хорошего человека, — просто сопутствующий ущерб.

Вальдемер II управлял всем этим издали, не пачкая рук. Я сомневалась, что хоть один суд в мире способен до него добраться. И он это прекрасно понимал.

Ну что ж... меня он не предусмотрел.

Глава 7

Президент долго молчал, изучая меня. Я ждала, не мешая, но гадала, что именно он обо мне вспоминает.

— Паук, — произнес он наконец, — ты убила Венцесласа Вальдемера II.

— Да.

— Месть за священника?

— Профессиональная гордость. Не терплю, когда клиенты мне лгут.

Его взгляд стал более пронизательным. Мы оба знали, что это лишь часть правды.

— Что вы знаете о Вальдемере III? — спросила я.

— Однажды я с ним встречался. Мы пытались договориться о сделке насчет... черт, не помню. Но парня помню хорошо. Тогда ему было восемнадцать, и он считал себя дипломатом. Нет... он думал, что проходит дипломатическую подготовку под присмотром отца, а на мне отрабатывает навыки! Заносчивый сопляк, все время перебивал... да. Термоядерные станции — вот о чем мы спорили. Он снова и снова приводил мне затертые до дыр возражения... — Президент умолк. — Но это было давно и никак не связано с тем, что он делает сейчас.

— Откуда вы возьмете электричество, если Вальдемер III не запустит свои спутники? — спросила я.

Бывший президент отмахнулся.

— АЭС. Они не выбрасывают углерод и безопаснее угольных станций или плотин. Солнечные панели тоже, и их можно ставить на крышу. Правда, термоядерные станции маленькими не бывают. Мы построили только одну — БАЛЬДР. И я думаю, что Вальдемер III пытался ее уничтожить.

Я промолчала, хотя придерживалась того же мнения. В том, что случилось в Айс-Вегасе, отчетливо чувствовалась рука Вальдемеров.

Глава 8

21 декабря 2137 года
АЙС-ВЕГАС, ГРЕНЛАНДИЯ
2°00' с. ш. 40°00' в. д.

При подходе к цели ракетоплан обычно тормозит с десяти–двенадцати махов до нуля за двадцать пять – тридцать минут. Свен-Хендрик Магоч расслабился в кресле второго пилота, разглядывая знакомый пейзаж. Земля быстро приближалась.

Несколько лет назад во время посадки в Фениксе он попытался послушать аудиокнигу. Это едва не стоило ему работы, и злость не отпускала до сих пор. Если во время снижения без дела остается даже первый пилот, потому что всю работу берет на себя автоматика, то чем заняться второму? Но в этот раз он не стал доставать электронную книгу из кармана и просто смотрел.

Небо было все таким же черным. Зато внизу разлилась тусклая белизна.

Посреди льда начал разрастаться маленький бугорок. Город Айс-Вегас был виден уже на границе космоса.

Далеко к юго-востоку от города под столбом пара проступало озеро Вейр. Вчетверо больше Айс-Вегаса, оно не так сильно выделялось на фоне грязно-белого ледника, покрывающего большую часть Гренландии. В поле зрения появилась и стала обрастать деталями самая крупная и единственная коммерческая термоядерная станция: кольцо генераторов, словно ведьмин круг, вокруг здания поменьше, озеро для сброса избыточного тепла и приподнятый ледяной обод, удерживающий воду.

Небо приобрело кобальтово-синий оттенок. Лед между городским куполом и озером стал бугристым, проступили следы подземного строительства: приличных размером фавела возникла в результате проекта армии США еще в середине двадцатого века. Прозрачный купол увеличился, проступили отели и улицы, почти такие же, как в любом другом городе, если не считать высоты: купол огромен, но именно он ограничивает высоту построек. Выше всех возмалось здание правительства. Однако самым заметным был отель «Руки Эшера» — сорок этажей, увенчанные головой дракона. На глазах у Магоча она все время меняла форму. Улицы пестрели яркими красками. Погодите-ка, это же рождественские украшения! Весь город утопает в праздничной атмосфере!

Его кресло резко дернулось. Теперь Магоч видел перед собой лишь затуманенное небо. Ракетоплан лег на вертикаль для финального этапа снижения. Картинка на мониторе менялась: лед, бетон, тень.

До Рождества всего четыре дня! Магочу еще ни разу не доводилось встречать Рождество в Айс-Вегасе; такого он не мог и представить. Его лицо расплылось в улыбке. Пожалуй, стоит отказаться от своего места на обратном рейсе и остаться, а на Новый Год ему дадут борт до Рио-де-Жанейро.

Говорят, что утопление — мирная смерть, однако девушка, запертая в узком баке, явно пребывала в ужасе. Толстяк-фокусник, на плаще которого красовалась надпись «Профессор Фэйт», накрыл бак брезентом, взмахнул шпагой и вонзил ее в полотно. Публика ахнула. В баке нет места, чтобы увернуться! К тому же шпага явно проткнула пластиковую стенку — из-под рукояти хлынула вода.

Зрители удивленно выдохнули... точнее, лишь половина. Те, кому было за двадцать, улыбались, как улыбаются взрослые, когда, в отличие от своих отпрысков, разгадали отвлекающий

маневр или заметили зеркало. Дети, в жизни не видевшие ничего подобного, пилились, раскрыв рты, хныкали или аплодировали.

На сцену выбежал квартет из очаровательных девочек лет тринадцати-четырнадцати, в масках, с казу и карманными синтезаторами. Большинство набрали в туннельном городе — лабиринте для бездомных под Айс-Вегасом.

Другим важнейшим элементом успеха шоу была вывеска над входом во «Дворец магии»: «Никаких голограмм! Никаких высоких технологий! Только старая добрая ловкость рук!»

Брезент сдернули, и оказалось, что протекающий бак совершенно пуст. Когда музыка достигла кульминации, одна из танцовщиц сорвала с себя маску... и публика без труда узнала в ней ту самую смуглую брюнетку, которую заперли в баке. Она поклонилась под аплодисменты. Затем свет на мгновение погас, а когда снова вспыхнул, все четыре девушки бесследно исчезли.

Профессор Фэйт раскланялся.

Клиент занимал не самое удачное место в семнадцатом ряду и наблюдал за представлением с легким нескрываемым пренебрежением. Когда после трюка с баком зажегся свет, пустое кресло между ним и массивным телохранителем-самоанцем оказалось занято. Вот это наконец вызвало у него удивление.

Рядом сидела целая и невредимая ассистентка, зажатая между ним и его громилой-телохранителем — смертоносным человеком по имени Эрнест Туинукуафе.

Толстые коричневые губы телохранителя изогнулись в почти надменной улыбке: ты не угроза. Ассистентка выглядела и вела себя как подросток, что лишь усиливало иллюзию. Мужчина во фраке и цилиндре на сцене — не единственный фокусник в Айс-Вегасе.

Они помолчали. Тем временем на сцене начали левитировать разные предметы. Театр «Дворец магии» при отеле-казино «Фунарама» предлагал семейное шоу — едва ли самое популярное в городе, зато отличный способ пристроить детей, пока родители спускают деньги за игровыми столами, тихо напиваются или наслаждаются более скабрёзными развлечениями Стрипа.

— Тот шар не лопнет, — сказал Клиент.

— Хватит и жала пчелы, — возразила девушка.

Клиент оглядел ее со смесью одобрения и восторга.

— Вы действительно та самая... Паук?

Не ассистентка фокусника. Убийца. Выражение ее лица ничуть не изменилось.

— Я слышал, вы погибли, — добавил Клиент.

— Меня не так легко убить, — едва шевеля губами, возразила Паук.

— Хорошо. Это хорошо. — Он откашлялся.

— Как вы меня нашли? Этим каналом экстренной связи пользовался только один человек. Я даже не подумала его отключить.

— Тот человек — мой друг. У меня много друзей. С вами я бы тоже хотел подружиться. Мне говорили, что вы никогда не проваливали задание и что вы лучшая из лучших.

Уголки губ девушки чуть приподнялись. Возможно, мимолетное чувство гордости, тут же подавленное.

Клиент наблюдал, оценивал, размышлял. Для него это уникальный опыт. Встретиться с одним из последних порождений легендарной программы пурпуров! Просто невероятно. Пурпуров сотворило неизвестное ведомство, а то и объединение ведомств на самом высоком уровне ООН. Ультраконфиденциальный проект, выше «совершенно секретно». И дело не в том, что данные по пурпурам не поддаются взлому, а что таких данных, как и людей, чье участие в проекте подтверждено, попросту не существует.

Единственные намеки — слухи о «пурпурородных» детях или даже эмбрионах с необычайно высоким потенциалом, который при помощи уникальных методик можно развить и приспособить под уникальные задачи.

Поговаривали также, что никого из них не осталось в живых. И тем не менее перед ним одна из них, возможно, последняя, известная под кодовым именем «Паук». Настоящий пурпур, демон чистой губительной воли; рожденная из плоти, выращенной с применением самых экстремальных и динамичных технологий. Обученная и подготовленная к смертоносности за пределами обычных человеческих возможностей.

Наемная убийца была не выше ста шестидесяти восьми сантиметров, с красивым гладким лицом и золотистой кожей. Генетика преимущественно африканская, с примесью европейской и, возможно, азиатской. Трудно судить: зачастую именно так выглядят восточные африканцы.

Но ее лицо без единой морщинки казалось таким... невинным. Клиенту пришлось напомнить себе истории о способностях пурпуров, о том, как сложно их остановить, как невозможно поймать. Считается, что они превзошли легендарных ниндзя. Пурпуры — непревзойденные шпионы, не испытывающие ни страха, ни тревоги, а благодаря удивительной гибкости по части внешности могут проскользнуть сквозь малейшую брешь в системе безопасности.

— Вы не против испытания? — спросил Клиент.

Его телохранитель наверняка вслушивался в разговор. Эрнест Туинукуафе тоже профессионал, нанятый за готовность умереть ради нанимателя при условии, что его ближайшие родственники защищены банковской гарантией.

Клиент увидел, как телохранитель напрягся, а затем расслабился. Неудивительно: если убийца согласится, их ждет схватка. Арена — номер-люкс несколькими этажами выше — выбрана заранее. Пурпуру придется отразить серьезную атаку без правил. В случае неудачи она может погибнуть. Тогда задание достанется Эрнесту. Все честно.

— Жизнь сама по себе испытание, — ответила Паук. — Вы знаете, как со мной связаться. Когда примете решение, пришлите необходимые сведения и внесите аванс. Оставшуюся сумму я буду ожидать в течение месяца после выполнения задания. — Эти слова совершенно не вязались с похожими на розовый бутон губками.

Клиенту вдруг стало стыдно. Чужь какая-то. Девчонку подначили и подослали к нему. Это мошенничество. Расчет на то, что он поверит в миф о пурпурах и выложит кучу денег. Конечно, испытания никто не ожидал, и теперь девушка блефует в надежде, что он передумает, угодит в ловушку и раскошелится на задание, которое никто не собирается выполнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.